6 83
0 660

Е 85/660
2007041082

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО.

Часть I. Благоустройство. Выпускъ 1, 2 и 3 курса, читаннаго въ Университетѣ Св. Владиміра Профессоромъ Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1869 г. I. Историческій очеркъ экономическихъ ученій. II. Обозрѣніе различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Окончаніе I-го тома.

Изъ особаго введенія автора къ законамъ благоустройства, именно на стр. 8, 9 и 10-й сочиненія, явствуетъ, что здѣсь окончена I книга благоустройства, и что изъ второй, распадающейся на восемь раздѣловъ, здѣсь изложены вполнѣ четыре первые, именно: *о добывающей промышленности*, о *земледѣльческой*, *обработывающей и торговой*, такъ что, для полноты курса благоустройства, недостаетъ только слѣдующихъ: о дѣятельности *облегчающей обороты* и сношенія, о *духовной* дѣятельности, или *народномъ просвѣщеніи*, о дѣятельности *для обезпеченія доходовъ* и т. п., и наконецъ о *мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ*. Послѣ чего, конечно, послѣдуетъ ученіе автора о благочиніи, или вторая часть Полицейскаго Права. Система полна и ясна. Напечатаннаго довольно для установленія взгляда автора; у читателя есть всѣ данныя для сужденія. То, что извѣстный всѣмъ спеціалистамъ ученый Р. Моль называетъ наукою о полиціи, и именно ученіемъ о развитіи личности, у нашего автора носитъ названіе „Полицейскаго Права.“ Кажется автору не слѣдовало обходить крѣпкую позицію, занятую Р. Молемъ въ литературѣ предмета, и стоило побороться съ тѣмъ положеніемъ „науки о полиціи,“ по которому полиція не можетъ быть разсматриваема какъ право. Побороться ему нужно было, какъ для того, чтобы оправдать

БИБЛІОТЕКА * М.П.М.

выраженіе нашего Университетскаго Устава 1863 года, такъ и для того, чтобы отстоять собственное свое воззрѣніе. Сказанное нашимъ авторомъ на четырехъ страничкахъ общаго „введенія“ въ его сочиненіи такъ обще, что могло быть и вовсе не сказано и не напечатано, потому что ничему не научаетъ и ничего не говоритъ. Вотъ основныя выраженія этого „введенія,“ стр. 1—5: „Понятіе о полицейскомъ правѣ извѣнялось, смотря по кругу дѣятельности управленія и по степени власти, предоставленной послѣднему. Полицейское право имѣло самый обширный объемъ, начиная съ эпохи образованія европейскихъ монархій до конца XVIII в.“ „Съ начала настоящаго столѣтія большая часть ученыхъ, занимавшихся полицейскимъ правомъ, отдѣляли юстицію (судъ) отъ полиціи, но взгляды ихъ далеко не сходятся между собою. Р. Моль включаетъ въ область полиціи всю дѣятельность государства за исключеніемъ финансовой и военной. Циммерманъ поставляетъ задачею полиціи поддержаніе общественнаго порядка, — Блунчли-заботу объ общемъ благѣ, — по Штейну, полиція есть исполнительная власть,“ и т. д.

„Изъ предыдущаго явствуетъ, продолжаетъ авторъ, что полицейское право въ обширномъ смыслѣ имѣетъ двойственное содержаніе, заключая въ себѣ постановленія, относящіяся и къ благосостоянію (законы благоустройства) и къ безопасности (законы благочинія). Благоустройство составляетъ прикладную часть политической экономіи, а благочиніе часть государственнаго права, относящуюся къ охраненію порядка и безопасности, какъ общества, такъ и отдѣльныхъ лицъ.“ Изъ предыдущаго явствуетъ, скажемъ въ свою очередь, что курсъ г. Профессора Бунге состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) изъ очерка экономическихъ ученій, 2) изъ обозрѣнія разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности и 3) изъ системы законовъ благочинія, и что эти очерки и обозрѣніе, вмѣстѣ взятые, составляютъ „Полицейское Право“ нашего автора. Не вдаваясь пока въ подробности замѣтимъ, что читатель затрудняется соединить въ одно столь разнообразные предметы, тѣмъ болѣе, что это одно указано авторомъ въ словѣ:—право, которое

не мыслимо безъ законовъ, такъ что выраженія: очеркъ ученій, обозрѣніе промышленности, законы и право должны произвести въ умѣ читателя порядочную путаницу. Но читатели разнообразны, и можно предположить, что многіе изъ нихъ найдутъ въ книгѣ Профессора много полезнаго, одинъ то, другой,—другое и каждый по своему, для своихъ цѣлей. И еслибы эта книга назначалась только для чтенія желающихъ, мудрено было бы долго останавливаться на общемъ строѣ и видѣ сочиненія.

Но предлежащій трудъ г. Профессора Бунге есть курсъ лекцій по полицейскому праву и руководство для студентовъ, обязанныхъ по этому руководству изучить и знать полицейское право. Это курсъ полицейскаго права, читанный и читаемый въ Университетѣ для студентовъ Юридическаго Факультета, у которыхъ уже сложилось извѣстное воззрѣніе на юридическія предметы и которые во всякой юридической наукѣ ищутъ извѣстнаго построенія. Они знаютъ пользу Статистики и Политической Экономіи для изученія права, но привыкли и пріучаются отличать Статистику и Политическую Экономію отъ права. И, приступая къ курсу полицейскаго права, непремѣнно задаютъ себѣ вопросы: 1) чье это право, или кому принадлежитъ полицейское право, или кто субъектъ полицейскаго права, 2) на что распространяется полицейское право, какіе предметы сюда входятъ, или что составляетъ объектъ полицейскаго права; 3) въ чемъ состоятъ права, и какія права принадлежатъ субъекту полицейскаго права на данные предметы; 4) какъ эти права пріобрѣтаются, теряются, защищаются. Не отвѣчать на эти вопросы руководство по юридическому ученію не можетъ, не теряя права на званіе полезнаго руководства.

Впрочемъ самъ авторъ въ „предисловіи,“ помѣщенномъ въ началѣ третьяго выпуска, формально обращается къ читателямъ вообще, а не къ студентамъ и говоритъ на III стр. „предисловія“ слѣдующее: „главная цѣль настоящей книги состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ читателѣ охоту къ занятію наукою, поселивъ въ немъ убѣжденіе, что ни наука, ни жизнь не сказали, да едвали и могутъ сказать

свое послѣднее слово, и что слѣдовательно для каждаго поколѣнія въ области знанія и практической дѣятельности предстоитъ выполнить свою долю труда. Ничто не тормозитъ болѣе и умственнаго и гражданскаго развитія какъ убѣжденіе, что знанія наши сложились въ стройное непогрѣшительное ученіе, которому недостаетъ лишь отдѣлки въ частностяхъ, и что общественныя экономическія отношенія представляютъ оконченное зданіе, которое требуетъ только ремонта да частныхъ исправленій. Ничто не отодвигаетъ болѣе назадъ и науку и общественность какъ мысль, что наука нашла секретъ человѣческаго благополучія и что вся задача состоитъ въ томъ, чтобы передѣлать общество по рецепту того или другаго мыслителя. Цѣль моя была бы достигнута, еслибы читатель вынесъ изъ настоящаго курса убѣжденіе, что предметъ научныхъ изысканій въ области государственнаго хозяйства опредѣляется совокупностію формъ и содержанія, влившейся въ эти формы экономической жизни; еслибы предметъ изученія представился ему самъ по себѣ способнымъ къ непрерывному совершенствованію, а слѣдовательно способнымъ и двигать науку, предлагая ей новые вопросы, и развиваться не только подъ ея вліяніемъ, но и въ силу практическихъ потребностей.“

Таковы заключительныя слова предисловія къ полицейскому праву Профессора Бунге. Изъ нихъ явствуетъ, что эта часть предисловія составляетъ, какъ бы „просительный пунктъ,“ обращенный къ судьбѣ, ожидающей книгу. Habent sua fata libelli. Чего же авторъ желаетъ для своего сочиненія?—Одного, возбудить охоту къ занятію наукою; но это желаніе всѣхъ ученыхъ, или желаніе общее всѣмъ писателямъ,—это родъ общей фразы тѣхъ просительныхъ пунктовъ, въ которыхъ просятъ судъ „поступать по законамъ.“ Особенность нашего автора высказана въ томъ положеніи, по которому онъ желаетъ возбудить охоту къ занятію наукою, поселивъ въ читателѣ убѣжденіе, что ни наука, ни жизнь не сказали, да едвали и могутъ сказать свое послѣднее слово. Здѣсь указано судьбѣ самое средство удовлетворить автора. Но здѣсь же и вопросъ: воз-

можно ли возбудить охоту къ занятію наукою, поселяя въ читателѣ убѣжденіе, что ни наука, ни жизнь не сказали, да едвали когда скажутъ свое послѣдне слово? *Послѣднее слово* науки, или жизни — это выраженіе по крайней мѣрѣ, имѣетъ два значенія: 1) буквальное въ смыслѣ послѣдняго слова по времени, гдѣ послѣднее слово означаетъ новѣйшее, самое свѣжее, толькочто произнесенное слово. Такія слова необходимо произносятся въ наукѣ и въ жизни непрестанно, въ каждый данный моментъ; 2) послѣднее слово также означаетъ окончательное, завершительное слово, послѣ котораго наступаетъ молчаніе. Такого слова ни наука, ни жизнь положительно никогда не произнесутъ, пока существуютъ. Понятно, что авторъ, въ приведенномъ мѣстѣ, говоритъ о послѣднемъ словѣ въ послѣднемъ значеніи. Но это положеніе относится ко всѣмъ наукамъ и ко всякимъ проявленіямъ жизни. И каждый читатель уже приступаетъ къ чтенію книги непремѣнно съ этимъ убѣжденіемъ не дожидаясь, пока осилитъ курсъ полицейскаго права, для того чтобы вынести оттуда подобное убѣжденіе. Стало быть, охота къ изученію науки явится у читателя другимъ путемъ. Охота, расположеніе и стремленіе къ занятію — это сила, или энергія, которая побуждаетъ нашу косность, или энерцію, и заставляетъ насъ работать вмѣсто того, чтобы покоиться. Чѣмъ же возбуждается охота къ занятію? Разумѣется, тѣмъ интересомъ, тою пользою, или тѣмъ наслажденіемъ, вообще тѣми стимулами, которые находимъ мы въ занятіи. Убѣжденіе въ томъ, что ни наука, ни жизнь не сказали и не скажутъ намъ и никому живущему своего заключительнаго и въ этомъ смыслѣ послѣдняго слова, не можетъ быть такимъ стимуломъ къ занятію, а скорѣе, особенно для слабыхъ, станетъ стимуломъ къ отчаянію, къ апатіи, къ равнодушію, къ бездѣйствію. Интересъ, или охоту къ наукѣ можно возбудить напр. любопытствомъ и занимательностію вопросовъ, или полезностію и практическимъ примѣненіемъ извлекаемыхъ изъ ученія свѣдѣній и положеній. А для этого нужна прежде всего точность, опредѣленность и ясность науки, — ея обособленная задача, ея собственныя пріемы,

ея твердыя начала, ея неизмѣнные выводы, ея живая связь съ жизнію и съ живыми вопросами для минуты. Удовлетворяетъ ли сочиненіе Профессора Бунге точности, опредѣленности и ясности, которыхъ должно требовать отъ его полицейскаго права, какъ ученаго сочиненія?“ Благоустройство составляетъ прикладную часть политической экономіи: благочиніе есть часть государственнаго права.“ Вотъ то воззрѣніе на предметъ, которое установляетъ и проводитъ авторъ въ его полицейскомъ правѣ. По этому полицейское право, состоя изъ Благоустройства и Благочинія, состоитъ частію изъ положеній политической экономіи, частію изъ началъ государственнаго права. Что же это за помѣсь и смѣсь, и почему авторъ называетъ её полицейскимъ правомъ, держась послѣдней составной части, а не политической экономіей, которая составляетъ первую? И если благоустройство есть составная часть политической экономіи, а благочиніе составляетъ часть государственнаго права, то зачѣмъ бы выдѣлять эти части изъ цѣлыхъ наукъ и не разобрать этихъ частей по принадлежности, отнеся одну въ курсъ политической экономіи, а другую въ курсъ государственнаго права? Тѣмъ болѣе, что теперь, съ 1863 года, политическая экономія читается въ Юридическомъ Факультетѣ и студенты этого Факультета имѣютъ особый курсъ политической экономіи. Къ чему же имъ слушать политическую экономію въ двухъ отдѣльныхъ курсахъ? Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ; а какъ, о томъ авторъ „Полицейскаго Права“ совершено молчитъ, и тѣмъ лишаетъ свой „курсъ“ и опредѣленности и точности и ясности, а стало быть интереса, пріохочивающаго къ занятію наукою. Не столько важно въ наукѣ послѣднее, сколько первое ея слово, основаніе, значеніе, починная или исходная точка. Разсмотримъ сочиненіе г. Бунге по вопросамъ, которые необходимо представляются каждому студенту — юристу, при первомъ словѣ — право, хотя бы полицейское. 1) Чье это право? Кому принадлежитъ или кто субъектъ полицейскаго права? Извѣстно, что субъектомъ права данной страны можетъ быть или отдѣльное лице, т. напр. гражданинъ, или цѣлое общество, напр.

церковь, земство, община, народъ,—или наконецъ государство, правительство, власть верховная. Кто же изъ этихъ возможныхъ трехъ субъектовъ дѣйствуетъ въ правѣ полицейскимъ? Отдѣльное частное лице, или общество, или правительство и государство? Одно тутъ ясно, что субъектомъ, или какъ его называютъ теперь носителемъ полицейскаго права не можетъ быть исключительно гражданинъ, отдѣльное лице, которому усвоена особая область права частнаго, или гражданскаго. Изъ остальныхъ двухъ субъектовъ правительство и государство, по признанію почти общему, исключительно вѣдаетъ полицію и полицейское право. Но есть и такіе писатели, которые думаютъ, что оно должно принадлежать обществу, земству, народу, и выдѣляютъ изъ массы правъ особую систему общественнаго права вмѣсто полицейскаго,—на подобіе церковнаго права. Не говоритъ нашъ авторъ прямо о своемъ воззрѣніи на вопросъ, но конечно, примыкаетъ къ большинству, и, стало быть государству предоставляетъ распоряжаться дѣлами благоустройства и благочинія. Но возможно ли для его системы такое построеніе права? Вѣдь въ его систему входятъ начала политико-экономическія, даже съ изложеніемъ экономическихъ ученій, а тутъ главное общепризнанное начало—свободы промышленности и laisser faire. Политико-экономы научаютъ насъ, что государство и правительство должны признать за нами свободу дѣйствій въ области промышленности, и не должны мѣшаться въ эту область такъ же, какъ въ дѣла предоставленные церкви, въ ея догматы, и въ ея ученія, въ ея законы. Не того же ли самаго потребуютъ для себя науки и искусства? И гдѣ же останется полицейское право съ его властію распорядиться благоустройствомъ? Этотъ вопросъ о субъектѣ полицейскаго права еще болѣе выясняется послѣдующими вопросами.

2) Какіе предметы входятъ въ область полицейскаго права, или что составляетъ его объектъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, опять почти единогласный съ древнѣйшихъ временъ и до послѣдней минуты, даже по „курсу полицейскаго права,“ котораго мы держимся въ этой рецензіи, въ томъ

состоитъ, что сюда относятъ: промыслы, напр. охоту, рыбную ловлю и т. п., — промышленность, напр. земледѣліе, фабричное производство и торговлю,—равно какъ дѣятельность духовную, напр. народное просвѣщеніе и т. п. Нельзя однакожъ не видѣть, что эти предметы входятъ и въ статистику и въ политическую экономію, такъ что вычисленіе, заимствованное нами изъ „курса“ полицейскаго права и приведенное въ порядкѣ „курса“ непремѣнно вызываетъ новый вопросъ о томъ, съ какой стороны или съ какой стати предметы, разсмотрѣнные въ Статистикѣ и въ Политической Экономіи, входятъ въ область полицейскаго права? Понятно, что Статистика смотритъ на эти предметы съ точки зрѣнія фактической и занимается описаніемъ напр. тѣхъ или другихъ промысловъ въ странѣ, или разсказомъ о состояніи той или другой отрасли промышленности въ краѣ, или вычисленіемъ количества, размѣщенія и производительной дѣятельности разныхъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій въ народѣ, напр. его библіотекъ, академій, университетовъ, и т. д. и т. д. Понятно также, что въ отличіе отъ воззрѣнія Статистики, политическая экономія можетъ говорить о промыслахъ и промышленности съ цѣлію показать экономическія условія и средства для развитія этихъ промысловъ, при извѣстномъ дѣйствіи капитала, труда, природы, и т. п, Такъ что Статистика покажетъ status quo, или настоящее состояніе промышленности, а Политическая Экономія научитъ насъ способамъ наибольшаго развитія народной промышленности. Что же за симъ останется на долю того правительственнаго вліянія, которое именуется полицейскимъ правомъ? Или иначе—какой новой и особой экономической операціи могутъ подлежать названные предметы со стороны полицейскаго права, признаваемаго за одну изъ частей политической экономіи? Недаромъ авторъ „курса“ опустилъ ученіе о народонаселеніи, и не токмо въ очеркѣ экономическихъ ученій, какъ самъ говоритъ, но и въ цѣломъ сочиненіи, разумно утверждая, что о населеніи страны говорятъ Статистика и Политическая Экономія. Но эти же науки трактуютъ и обо всѣхъ другихъ вопросахъ „курса,“ и послѣдовательность требовала бы исклю-

чить ихъ также изъ области „Полицейскаго Права," разсматриваемаго въ значеніи составной части политической экономіи. Но самое главное, это вопросъ о народномъ просвѣщеніи. Что находятъ экономическаго въ народномъ просвѣщеніи, напр. въ религіозности, или въ нравственности, или въ наукахъ и въ искуствахъ страны и народа? Неужели въ дѣлахъ вѣры, морали, права, наукъ и искусствъ мыслимы соображенія и теоріи о капиталахъ, съ ихъ процентами, о землѣ съ ея рентою, о работѣ съ ея задѣльною платою,—или о кредитѣ, банкахъ, акціяхъ, курсахъ, биржевой игрѣ? Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ, а какъ, о томъ опять молчитъ авторъ „Полицейскаго Права?"

3) Молчитъ, хотя третій изъ предложенныхъ вопросовъ настоятельно требуетъ подобнаго разрѣшенія. Этотъ третій вопросъ долженъ составить предметъ основнаго ученія о свойствѣ и размѣрѣ правъ, или власти субъекта полицейскаго права на его предметы или объектъ. И такъ, принимая положенія автора, здѣсь должно объяснить то, какую власть имѣетъ государство относительно народныхъ промысловъ, промышленности, просвѣщенія и т. п.; однимъ словомъ, относительно народнаго благосостоянія, или человѣческаго благополучія, выражаясь словами автора. То, что называемъ мы счастіемъ, говоря объ отдѣльномъ лицѣ, то обозначаемъ словомъ блага, благополучія, или благосостоянія, толкуя о народѣ. Но сущность того и другаго понятія — одна, и между прочимъ въ томъ состоитъ, что какъ для лица нѣтъ счастія внѣ его воззрѣній и убѣжденій, такъ для народа благополучіе должно быть продуктомъ его воли. Однимъ словомъ, то и другое субъективно, хотя и въ различномъ смыслѣ. Къ нашему личному и народному благу относится непремѣнно и на первомъ мѣстѣ наше право, которое по той же причинѣ необходимо субъективно какъ у частныхъ лицъ, такъ и у народовъ. Ни счастія, ни блага, ни права навязаннаго лицамъ, или народамъ быть не можетъ въ смыслѣ истиннаго, разумнаго блага и счастія. Навязываніе все же насиліе, которое уничтожаетъ самую основу всякаго дѣйствія и всякаго права — свободу лица, или народа. Какую же власть должно признать за

государствомъ въ дѣлѣ его вліянія на наше счастіе, или на благосостояніе населенія и народа,—стало быть на его жизнь, и на всё, что составляетъ и цѣль, и цѣну этой жизни, или, какъ выражается Р. Моль, на полное человѣческое развитіе лица, или какъ можно это еще иначе назвать на всю культуру и цивилизацію страны и народа? Упоминаетъ авторъ въ своемъ „предисловіи“ о „началахъ, которыя кладутся въ основу общественныхъ отношеній, каковы: подчиненіе государству, личная свобода и общеніе личныхъ силъ,“ и на эти начала обращаетъ, какъ самъ говоритъ, главное свое вниманіе при изложеніи экономическихъ ученій. Но для рѣшенія такого вопроса не достаточно не токмо упоминанія, но и самаго подробнаго изложенія разныхъ воззрѣній; необходима критика воззрѣній, необходимо пріисканіе высшаго закона, разрѣшающаго борьбу воззрѣній; необходимо вдаться въ теоретическое изслѣдованіе объ отношеніяхъ, долженствующихъ существовать между лицомъ и государствомъ, между лицомъ и обществомъ, или народомъ, равно какъ между государствомъ и между народомъ, съ его народною промышленностію и съ его народнымъ просвѣщеніемъ. Въ такомъ изслѣдованіи нельзя избѣжать отвлеченности, безъ которой немыслимо право, а тѣмъ менѣе мыслимо изложеніе науки права, вполнѣ отвлеченной. Не одного знакомства съ жизнію, о которомъ говоритъ авторъ „курса“ въ его введеніи, или изученія возникшихъ оттуда общихъ вопросовъ требуетъ наука благоустройства; она должна уяснить самыя начала жизни и по нимъ установить руководящіе вопросы жизни.

Четвертаго вопроса, котораго не можетъ обходить наука права и который состоитъ въ рѣшеніи того, какъ права пріобрѣтаются, теряются и защищаются, мы уже не тронемъ, видя изъ предыдущаго, что авторъ „курса“ упоминаетъ о правѣ только въ заглавіи книги, относя свое полицейское право къ политической экономіи. Мы уже довольно говорили о томъ, чего нѣтъ въ „курсѣ;“ заключимъ обсужденіемъ того, что находится въ сочиненіи Профессора Бунге. Начинаемъ съ его „очерка экономическихъ ученій.“

Подъ заглавіемъ: Историческій очеркъ экономическихъ ученій, авторъ представилъ живой и болѣе или менѣе полный обзоръ исторіи литературы политической экономіи, начиная съ идеала Платона и политики Аристотеля. При этомъ авторъ находитъ, что произведенія древне-классическихъ философовъ и политиковъ бѣдны научными положеніями,—что литература новоевропейскихъ народовъ имѣла сначала меркантильное направленіе, потомъ свободное въ духѣ физіократовъ и А. Смита, — затѣмъ свободное съ ограниченіями, которыхъ потребовала наука и практика, подобно воззрѣніямъ Сисмонди, Листа и др., далѣе антиліберальное, выразившееся въ ученіи соціалистовъ, и наконецъ направленіе историческо-статистическое, господствующее въ наше время, и обѣщающее завершить дѣло потому, говоритъ авторъ, что „употребленіе статистическихъ пріемовъ приводитъ къ выводамъ столь же не оспоримымъ, какъ истины добытыя въ такъ называемыхъ точныхъ наукахъ.“ Тутъ, кажется, авторъ даетъ уже предчувствовать послѣднее завершительное слово науки. Не станемъ ни спорить съ нимъ объ этихъ воззрѣніяхъ на литературу политической экономіи, ни входить въ подробности изложенія. Допускаемъ все, имъ здѣсь сказанное, и только спрашиваемъ, какъ всё это относится къ полицейскому праву. Разсматривая это полицейское право даже какъ составную часть политической экономіи, мы всё таки недоумѣваемъ насчетъ того, что въ него вносится литература не полицейскаго права, а политической экономіи. Мы недоумѣваемъ, почему и для чего составная часть политической экономіи обратно дѣлаетъ политическую экономію своею составною частію? И зачѣмъ такая роскошь въ изложеніи экономическихъ ученій, что его должно повторять непремѣнно и при изложеніи политической экономіи, и при ученіи о полицейскомъ правѣ? Но, допустивъ наконецъ всё, какъ совершившійся фактъ, намъ останется еще предложить вопросъ, всё ли объясняется въ полицейскомъ правѣ этими ученіями? Въ области этого права, весьма важную, если не самую главную роль играетъ ученіе о народномъ просвѣщеніи, о народномъ воспитаніи, ученіи, образованіи

о наукахъ и искусствахъ. Чему же научитъ насъ въ этомъ дѣлѣ школа меркантелистовъ, полагавшихъ богатство въ золотѣ и въ деньгахъ, или школа физіократовъ, искавшихъ богатства въ землѣ, или ученія Сисмонди, Кери, и даже историко-статистическая школа? Во имя чего у всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка, независимо отъ тѣхъ, или другихъ экономическихъ ученій, семья воспитываетъ цѣлыя поколѣнія въ извѣстныхъ началахъ вѣры и морали? Почему каждый городъ, какъ въ античномъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка, и каждая община въ теперешней Европѣ устрояетъ тѣ или другія школы и училища? На какомъ основаніи заведенные на западѣ Европы преимущественно церковью Университеты переходятъ сначала въ область свѣтскаго управленія, а затѣмъ, по внутреннему устройству прямыхъ отношеній между профессорами и студентами, явно стремятся содѣлаться общественными народными учрежденіями?

Итакъ, по нашему мнѣнію, такъ называемый въ „курсѣ“ историческій очеркъ совершенно лишній отдѣлъ въ сочиненіи, трактующемъ о правѣ, подобно тому, какъ отсутствіе ученія о свойствѣ и о природѣ права — совершенно необъяснимый недостатокъ сочиненія. Но для полноты изложенія обратимся ко второй части „курса,“ содержащей „Обозрѣніе различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности,“ куда авторъ относитъ: 1) добывающую промышленность, 2) земледѣльческую, 3) обработывающую, 4) торговую, 5) облегчающую обороты, 6) духовную съ народнымъ просвѣщеніемъ, 7) дѣятельность, обезпечивающую доходы, и 8) дѣятельность носящую названіе мѣстнаго общественнаго хозяйства. Вездѣ говорится тутъ о дѣятельности, хотя вообще не указывается на то, чья это дѣятельность, и кому она принадлежитъ, за исключеніемъ послѣдней, приписываемой мѣстному обществу, или населенію, конечно въ силу положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Но, хотя не указывается вообще принадлежность этихъ различныхъ формъ дѣятельности, но очевидно, повсюду подразумѣвается дѣятельность лицъ, обществъ и народа, какъ органовъ и субъектовъ этихъ формъ человѣческой

дѣятельности. И тутъ уже невозможно не отмѣтить столкновенія и не указать отношенія, въ которомъ должны находиться дѣйствующіе субъекты дѣятельности — лица, общества, народъ, съ одной, и государство, съ другой стороны; чѣмъ собственно и долженъ разрѣшаться на примѣрахъ, или, пожалуй, на практикѣ вопросъ о значеніи полицейскаго права. Дѣйствуютъ лица, общества, населеніе, но тутъ же дѣйствуетъ правительство, государство. Посмотримъ, какъ нашъ авторъ учитъ разрѣшать возможный антагонизмъ дѣйствующихъ въ одной сферѣ силъ. Первая глава посвящена вопросу объ охотѣ, о которой авторъ говоритъ слѣдующее: охота различна по различію „народовъ дикихъ и народовъ, живущихъ въ обществахъ съ устроеннымъ гражданскимъ порядкомъ.“ Тамъ она составляетъ нерѣдко исключительный промыселъ, но невѣрный, зависящій отъ обширности земли и обилія дичи. У новоеврейскихъ народовъ охота составляла первоначально право верховной власти, или привиллегію важныхъ классовъ. Ограниченія права охоты на Западѣ были пагубны для земледѣлія, терпѣвшаго отъ вредныхъ животныхъ. Въ XIX в. охота вошла въ область частнаго права, и законы объ охотѣ ограничиваются постановленіями имѣющими цѣлію: предупредить истребленіе дичи, предотвратить неосторожное обращеніе съ оружіемъ, оградить права лѣсовладѣльцевъ и извлечь выгоду изъ казенныхъ лѣсовъ. Въ нашемъ законодательствѣ право охоты ограничивается: а) землями принадлежащими охотнику въ собственность, б) срокомъ, в) извѣстными мѣстами, и т. д. Полиціи предписано имѣть за этимъ наблюденіе. Въ настоящее время охота составляетъ незначительный источникъ народнаго богатства.

Вотъ вкратцѣ полное изложеніе ученія Г. Профессора Бунге объ охотѣ. Мы остановимся на этомъ ученіи потому, что пріемъ, употребленный авторомъ здѣсь, повторяется болѣе или менѣе при всякомъ другомъ вопросѣ „обозрѣнія.“ Подвергая логическому разбору положенія автора, кажется, должно придти къ заключенію, что въ этомъ короткомъ изложеніи дѣла много смѣшенія понятій. Тутъ

есть статистическія положенія, напр. то, что охота въ наше время ничтожный источникъ богатства. Тутъ есть политико-экономическія воззрѣнія, напр., что охота невѣрный промыселъ. Тутъ есть далѣе фактическія и юридическія данныя. Но всё это смѣшано безъ надлежащей точности. Авторъ не далъ себѣ труда объяснить, что такое охота, тогда какъ это слово употребляется весьма различно въ разныхъ случаяхъ. Такъ, говоря о дикомъ состояніи страны, мы считаемъ охоту промысломъ, т.-е. занятіемъ и дѣятельностію всѣхъ и каждаго съ цѣлію извлечь оттуда средства продовольствія. Говоря далѣе о бытѣ болѣе или менѣе осѣдломъ, находимъ, что, какъ земля здѣсь принадлежитъ или верховной власти, или извѣстнымъ высшимъ классамъ и т. п., такъ и охота становится принадлежностью землевладѣльцевъ. Тутъ охота, нѣкогда общій промыселъ, ограничивается поземельной собственностію и переходитъ въ область частнаго гражданскаго права, о чемъ говоритъ и нашъ авторъ. Но этимъ дѣло не кончается, и движеніе установленій не прекращается. Охота, нѣкогда общій промыселъ всего населенія въ послѣдствіи становится промысломъ нѣкоторыхъ классовъ или отдѣльныхъ лицъ, и, въ этомъ смыслѣ ихъ правомъ, ихъ общественнымъ положеніемъ. Во всякомъ же случаѣ, потребность въ дичи, въ ея продуктахъ, въ мѣхахъ, въ пухѣ, въ мясахъ, останется общею, постоянной потребностію населенія. Между тѣмъ замѣчено, что частное, личное право можетъ быть употреблено и во вредъ цѣлому обществу и, предоставленная личному произволу, охота можетъ уничтожить цѣлыя породы животныхъ и птицъ. И вотъ являются *ограниченія* для собственности въ землѣ, въ дичи и въ охотѣ. Кто можетъ ограничить наше право собственности, хоть бы въ формѣ охоты? Конечно всѣ законы исходятъ отъ государства, но они раздѣляются по различію тѣхъ правъ, которыя устанавливаются ими. Такъ законы опредѣляющіе интересы частныхъ лицъ, и напр., права охоты въ лѣсахъ этихъ лицъ, суть законы гражданскіе; напротивъ законы, которыми опредѣляются средства защиты страны, или форма правленія относятся къ государственнымъ. Спрашивается,

куда должно отнести законы, ограничивающіе частное право охоты, относимыя къ полицейскимъ, на западѣ Европы? Для уясненія названія и значенія такихъ законовъ, намъ остается спросить, въ чьемъ интересѣ ограничиваютъ они частное право охоты? Конечно не въ интересѣ государственной безопасности, а въ интересѣ всѣхъ живыхъ и всѣхъ имѣющихъ быть въ странѣ членовъ народа, или вообще въ интересѣ населенія, народа, общества. Вотъ почему такіе законы мы называемъ общественными, и право, ими образуемое, общественнымъ правомъ. Итакъ вопросъ объ охотѣ мы бы, по нашей системѣ, выразили въ слѣдующихъ словахъ: какъ вообще въ правѣ. такъ и въ правѣ общественномъ, каждое явленіе жизни должно разсматривать, какъ право. Охота есть также право, входящее въ двѣ различныя системы права. Частію, охота есть принадлежность всякаго поземельнаго владѣнія и составная часть гражданскаго права землевладѣльцевъ; частію же охота есть промыселъ, открытый для всѣхъ и каждаго, и потому именуемый общественнымъ правомъ. Въ послѣднемъ значеніи, составляя право не токмо настоящаго, но и будущихъ поколѣній, промыселъ охоты для каждаго настоящаго населенія подлежитъ ограниченіямъ, какъ въ срокѣ производства, такъ и въ другихъ обстоятельствахъ, долженствующихъ сохранить на всѣ вѣка полезныя для человѣка породы животныхъ и птицъ. Охота, какъ право частное, пріобрѣтается, теряется и защищается, конечно, иначе, нежели право промысловъ и промышленности. Въ такой формѣ должно излагать и ученіе о рыболовствѣ и даже о лѣсоводствѣ, какъ бы ни страннымъ показалось такое сближеніе. Мы говоримъ, что промыслы звѣроловства, птицеловсва, рыболовства и лѣсоводства, имѣя своимъ предметомъ вещи тлѣнныя, неудобовосполнимыя, и часто подлежащія совершенному истребленію, необходимо вызываютъ охранительныи законы общества, для пользы всѣхъ живущихъ и имѣющихъ жить поколѣній. Эти промыслы необходимо подлежатъ ограниченію по началамъ Общественнаго Права. Совершенно другое явленіе происходитъ въ промыслахъ, которыхъ предметы вѣчно возмѣ-

щаются, какъ земледѣліе и скотоводство, или которыхъ предметы принадлежатъ къ роду нетлѣнныхъ, напр., драгоцѣнные камни, металлы и всякія неорганическія вещества. Еслибы напр., при усиленной дѣятельности извѣстнаго поколѣнія, всѣ металлы были исторгнуты изъ земли; это не грозило бы бѣдою послѣдующимъ поколѣніямъ ибо они наслѣдовали бы эти вещества, эти металлы въ необходимомъ количествѣ отъ предшествовавшихъ поколѣній. Итакъ вѣчное, неустанное и неограниченное добываніе и развитіе этихъ промысловъ составляетъ такъ же законъ общественнаго права, какъ ограниченіе охоты, ловли и лѣсоводства. Безъ объясненія разумныхъ основъ для дѣйствія законовъ страны, никакая полнота ихъ изложенія не поможетъ дѣлу, и представится изложеніе чисто механическимъ. Впрочемъ этимъ вопросъ неокончается. Мы говорили доселѣ объ охотѣ, рыболовствѣ, или лѣсоводствѣ и земледѣліи, скотоводствѣ и т. п., какъ о промыслахъ или такой дѣятельности, которая имѣетъ цѣлію продовольствіе. Всё это можетъ быть производимо въ другихъ размѣрахъ, и весьма мыслимо учрежденіе компаній для звѣроловства, рыболовства и т. п., гдѣ уже не о продовольствіи будетъ рѣчь, а о богатствѣ, для чего потребуются капиталы, знанія, учрежденія, вообще такая дѣятельность, которая именуется промышленностію, съ ея широкою свободою и съ ея общественнымъ положеніемъ и правомъ промышленнымъ, заводскимъ, или торговымъ. Это ученіе совершенно не обратило на себя вниманія нашего автора, а потому его „обозрѣніе,“ даже въ смыслѣ экономическаго, не юридическаго трактата, весьма неполно. Говоря объ ограниченіяхъ для охоты, рыболовства и т. п., авторъ присоединяетъ, что наблюденіе за всѣмъ этимъ предоставлено полиціи, оставляя вопросъ нетронутымъ, не лучше ли не разумнѣе ли было бы предоставить такое наблюденіе общинамъ и земствамъ, чрезъ что самый поводъ называть эти законы полицейскими былъ бы устраненъ. Наконецъ еще одинъ недостатокъ чувствуется при разсмотрѣніи изданнаго до селѣ труда Г. Бунге, это спеціализація, или отдѣльность вопросовъ и ихъ частнаго порѣшенія.

Въ „обозрѣніи,“ каждое ученіе разсматривается отдѣльно и самостоятельно, безъ усилія соединить однородное въ особыя группы, и найти для порѣшенія общія учрежденія, установленія, начала. Такъ авторъ подробно говоритъ о звѣроловствѣ, рыболовствѣ, лѣсоводствѣ, въ ихъ фактической отдѣльности, забывая, что между ними много точекъ соприкосновенія, какъ напр. пространство земли и воды и ихъ принадлежность, которая имѣетъ на эти промыслы свое вліяніе, рождая изъ охоты, рыбной ловли, и т. п. права исключительной собственности. Объ этой принадлежности земли и воды онъ упоминаетъ при изложеніи каждаго изъ промысловъ, но неотвлекаетъ этого общаго элемента, не дѣлаетъ изъ него общаго начала и подробно говоритъ о землѣ и о собственности въ землѣ только при ученіи о земледѣліи, какъ будто можно говорить объ охотѣ, рыболовствѣ, или горныхъ промыслахъ, не зная роли, которую тутъ играетъ поземельное право казны и разныхъ владѣльцевъ. То же самое замѣчается въ ученіи о свободѣ и крѣпостномъ правѣ, подробно изложенныхъ въ отдѣлѣ земледѣлія, какъ будто уничтоженіе крѣпостнаго права имѣетъ исключительно вліяніе на земледѣліе, и какъ будто, свобода не на столько же нужна и необходима для звѣролова, скотовода, какъ для купца, фабриканта, и всего учащаго и учащагося. Во всемъ изложеніи курса проглядываетъ политико-экономъ, который ничего не доказываетъ, а только показызаетъ, и боится утомить читателя отвлеченностями. На бѣду безъ этихъ отвлеченностей невозможно построить „полицейское право.“

Лучшее, нагляднѣйшее доказательство этой невозможности обойтись безъ отвлеченностей представляетъ разсматриваемый нами „курсъ“ въ томъ, о чемъ онъ молчитъ, и чего не излагаетъ. Это опущенное авторомъ ученіе о населеніи, встрѣчающееся повсюду въ другихъ сочиненіяхъ полицеистовъ отъ Деламара и Берга, до Моля и Штейна. Нашъ авторъ оправдывается тѣмъ, что о населеніи говоритъ и статистика и политическая экономія. Но мы уже замѣтили, что статистика, какъ и политическая экономія также говорятъ обо всемъ изложенномъ въ „курсѣ“ Г.

Бунге, говорятъ, конечно, не одно и то же, что должно входить въ полицейское право. Статистика напр. говоритъ о числѣ населенія; политическая экономія о томъ, что данное число стремится переступить предѣлы, положенные населенію средствами продовольствія, а полицейское право Моля и другихъ о томъ, что правительство обязано поэтому содержать населеніе въ уровень со средствами продовольствія. Правда ли всё это, и справедливо ли, вотъ вопросы неразрѣшимые безъ нѣкоторыхъ юридическихъ отвлеченностей.

Отдавая ученому автору „курса“ всю справедливость, и признавая за нимъ всю заслугу предъ русской литературой и все право на благодарность за трудъ и за умѣнье передать легкимъ, чистымъ языкомъ, въ ясномъ изложеніи, обширную массу политико-экономическихъ началъ и статистическихъ данныхъ, мы убѣждены, что авторъ найдетъ въ нашихъ указаніяхъ только усиліе содѣйствовать общему дѣлу, которому служимъ на томъ же поприщѣ. Въ дѣлѣ разработки полицейскаго права въ Россіи кооперація необходима болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Concordia res parvae crescunt. Молчали мы до сихъ поръ въ ожиданіи выхода въ свѣтъ всего изданія „курса;“ но важность сочиненія даже въ размѣрѣ изданнаго могла дать нашему дальнѣйшему молчанію другое значеніе, и мы сказали свое посильное слово.

В. Лешковъ.

Изданіе Императорскаго Московскаго Университета.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.